

В.И. Павлов, ВрИОД заместителя начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРАКТИКА ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Рассматриваются отдельные теоретические и практические проблемы уголовно-правовой квалификации с философско-правовой точки зрения. Посредством философских категорий представлена квалификация как процесс отыскания проявленному в наличном бытии фактическому содержанию (общественно опасному деянию) установленной законодателем юридической формы (уголовно-правовая норма), на основании чего выявляется ряд причин, по которым уголовно-правовое познание не лишено объективных онтологических противоречий. В ряду практических проблем уголовно-правовой квалификации рассмотрены обыкновения правоприменительной деятельности, выделенные в организационно-управленческие и тактические причины. Предложены меры по совершенствованию процесса обучения будущих специалистов органов уголовного преследования квалификационной работе. Делается вывод о необходимости учета выявленных проблем на концептуальном, теоретическом и практическом уровнях совершенствования квалификационной деятельности.

Квалификация преступлений, несмотря на ее разностороннюю разработку специалистами в области уголовного права, продолжает оставаться одним из самых проблемных вопросов в практической деятельности органов уголовного преследования. Согласно своему юридико-прикладному на-

значению вопросы квалификации преступлений разрабатываются в основном специалистами уголовного права и с этой точки зрения данный институт исследован достаточно обстоятельно. Работы Л.Д. Гаухмана, А.А. Герцензона, В.Т. Калмыкова, В.Н. Кудрявцева, Г.А. Левицкого, А.В. Наумова, А.С. Новиченко, В.Г. Шумихина, В.М. Хомича и ряда других авторов содержат ценный материал относительно теории квалификации и практики ее применения. Однако наряду с отраслевым исследованием интересно взглянуть на проблему квалификации под иным углом зрения - глазами теоретика, философа права, абстрагировавшегося от уголовно-правовой науки субъекта, при этом имеющего ее в виду как конечную сферу единственно возможного приложения полученного теоретического результата. В настоящей статье предлагается рассмотреть квалификацию на двух уровнях - как самостоятельное правовое явление вне субъекта уголовно-правового познания и в связи с познавательной деятельностью правоприменителя. Согласно такой установке процесс познания дифференцируется: 1) изучение квалификации как объекта, то есть познание ее как таковой вне связи с субъектом осуществления, можно сказать, с догматической точки зрения, и 2) изучение квалификации в связи с субъектом ее осуществления, в процессе ее реализации, то есть преимущественно с практической точки зрения. Краткое теоретическое исследование с элементами философско-правового анализа позволит выявить некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации и в общей форме обозначить пути их разрешения.

Должное догматическое изучение уголовно-правовой квалификации невозможно осуществить без выхода за рамки самой теории квалификации. В связи с этим первым проблемным положением, которое мы предлагаем рассмотреть в выделенном нами объективном блоке исследования, является теоретическая сложность и многоаспектность самой теории квалификации.

Квалификацию преступлений, представляющую собой процесс, имеющий конечной целью конкретный результат, можно рассматривать через соответствующие философские категории как процедуру отыскания проявленному в наличном бытии некоторому фактическому содержанию соответствующей юридической формы. На языке уголовного права это означает определение юридической сущности преступления, проявляющееся как «...соотносимое с уголовным законом суждение об определенных фактах объективной действительности» [4, с. 4]. При этом квалификация будет должной только в том случае, когда конечный результат выразится в адекватном соответствии фактического содержания юридической форме, по-другому, в соответствии признаков фактически совершенного деяния (содержания) признакам состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой или их определенной совокупностью (форме). А.И. Рарог по этому поводу верно отмечает, что сам смысл слова «квалификация» (от лат. *qualis* - качество, *facere* - делать) уже заключается в установлении качественной характеристики определяемого объекта [5, с. 14].

Исходя из такого элементарного представления о квалификации преступлений очевидно, что последняя является сложной процедурой, которая уже по своему характеру содержит в себе некоторое внутреннее онтологическое противоречие. Дело в том, что определенный факт наличного бытия (деяние), который для субъекта квалификации представляет собой факт-данность, - нечто объективно данное и предстающее перед ним независимо от того, что он совершен определенным лицом во времени ранее, он должен квалифицировать, то есть соотносить с субъективно наличествующим правом, должен вложить это проявленное фактическое содержание в установленную законодателем правовую форму. Но такое соотнесение естественного содержания с искусственной формой уже само по себе затруднительно, ибо форма в этом случае является ни чем иным, как субъективным установлением законодателем посредством юридических средств определенных правовых норм, их совокупных конструкций и правил применения (квалификации), юридического «улавливания» фактического содержания. При этом следует иметь в виду, что законодатель способен оформить лишь некоторое уже существующее содержание, то есть всегда «запаздывает» в таком оформлении, поэтому квалификация того или иного деяния может быть неверна не только с формально-юридической, но и с фактической стороны, поскольку сама эта норма в действительности может не оформлять проявленное содержание, недооформлять либо переоформлять его.

Данная проблема юридической науке известна давно и связана с вполне естественным свойством постоянной подвижности, сложности и многоаспектности оформляемых правовыми нормами социальных отношений, их развитием, смещением, видоизменением и иными присущими им качественными и количественными характеристиками. Более того, эта, казалось бы, несущественная с практической точки зрения проблема, обусловленная якобы чрезмерной идеализацией взглядов на квалификацию преступлений, является на самом деле одной из основных причин фактической неразрешимости проблемы адекватного правового регулирования общественных отношений в целом. Но если в

области регулятивного права невозможность адекватного помещения фактического содержания в юридическую форму ощущается не так остро, то для охранительного правового регулирования последствия гораздо тяжелее, в том числе в ситуации с квалификацией преступлений. В этой связи следует обратить внимание на мнение В.Н. Кудрявцева, который считает, что квалификация преступлений «...в действительности имеет глубокий социально-политический смысл... поскольку правильно квалифицировать преступление - это значит применить тот закон, который точно соответствует содержанию, дает верную оценку действиям обвиняемого, отражает интересы общества и ограждает права и свободы личности» [1, с. 6]. В данном высказывании, на наш взгляд, речь идет лишь о формально-юридической правильности квалификации, которая рассчитана на адекватный уголовно-правовой закон, который сам по себе способен точно оформить любое фактическое содержание, что, как известно, бывает далеко не всегда, и, пожалуй, именно в таком высказывании можно усмотреть излишнюю идеализацию. Ввиду приведенных выше соображений также трудно согласиться по данному вопросу с позицией Б.А. Куринова, который отмечает: «...с точки зрения лица, производящего расследование и осуществляющего квалификацию преступления, эта квалификация должна носить характер абсолютной истины, т. е. правовая оценка должна быть единственно правильной, исключаящую какую-либо иную альтернативу» [2, с. 9]. Здесь автор хотя и делает оговорку «с точки зрения лица», но и она полностью не устраняет очевидной противоречивости такого утверждения исходя из самой онтологической сущности квалификации преступлений.

Таким образом, одним из существенных затруднений, с которыми сталкивается квалификация преступлений еще на стадии ее догматического становления, является онтологическое противоречие, выражающееся в предположительной проблематичности адекватного отражения объективного факта наличного бытия в нормативно-правовом установлении законодателя.

Еще одной проблемой уголовно-правовой квалификации, вытекающей из сущности уголовно-правовой охраны общественных отношений, является ее процессуальный и комплексный характер. В научной литературе понятие квалификации нередко разделяется на процесс и результат этого процесса [1, с. 5]. В аналитико-познавательных целях выделение самого процесса квалификации и его результата, видимо, можно производить, однако по своей сущности квалификация представляет собой некую единую протяженность, которая имеет начальный, промежуточный и конечный результаты, причем применительно к квалификации преступлений каждый из этих этапов можно в той или иной степени зафиксировать и обнаружить.

Свойство протяженности (процессуальности) квалификации определяется сущностью единого процесса уголовно-правовой охраны общественных отношений, что, в свою очередь, и обусловило объективное становление двух отраслей уголовного права - материальной и процессуальной. Если уголовное материальное право определяет, выражаясь используемыми здесь терминами, саму юридическую форму или, по-иному, пытается создать адекватную правовую матрицу наличному фактическому содержанию в статичном состоянии, то нормы уголовно-процессуального права имеют своим функциональным назначением задачу помещения проявленного содержания в созданную материальным правом юридическую форму, что и можно осуществить лишь посредством определенных действий в некоем протяженном во времени процессе. С этой позиции квалификация преступлений в действительности должна быть отнесена к отрасли процессуального права, хотя основания для начала квалификации и ее завершения всегда содержатся в материально-правовом законе. Из этого совершенно не должно следовать заключение, что проблема квалификации преступлений является проблемой только материального или только процессуального права. Такого рода деление при рассмотрении вопроса о квалификации преступлений вообще несостоятельно, поскольку функция уголовно-правовой охраны в каждом случае нарушения закона может осуществляться лишь посредством применения материально-правовой нормы к конкретному факту, что, однако, возможно сделать лишь посредством процессуально-правовых норм. Совершенно прав В.Г. Шумихин, когда говорит о постоянной связанности квалификации с процессом уголовно-процессуального познания: «...ни законодательство, ни практика не определяют и не могут определить, когда заканчивается одна мыслительная деятельность - по оценке доказательств и начинается другая - по уголовно-правовой оценке совершенного деяния. Квалификация преступлений включена в процесс уголовно-процессуального познания. ...» [7, с. 123]. В связи с этим квалификация преступлений в данном отношении всегда двуединая - она придает материальному праву состояние определенности и конкретности посредством норм процессуального права. Хотим мы того или нет, каждый случай нарушения уголовно-правового запрета влечет сложную комплексную и в то же время единую материально-процессуальную деятельность

конкретного лица (следователя, дознавателя, прокурорского работника и т. д.) по отысканию соответствующей формы для проявленного содержания.

Но в чем же заключается объективная сложность материально-процессуального и по существу двуединого статуса квалификации? На наш взгляд, комплексность квалификации с точки зрения необходимого функционирования материального и процессуального законов в процессе ее осуществления, а равно следующий из этого процессуальный характер самого квалификационного механизма не позволяют говорить о точном и единообразном приложении последнего к каждому жизненному случаю (общественно опасному деянию). Причина этого наглядно проявляется в процессе реализации квалификации через рассмотрение ее в связи с субъектом осуществления.

Субъективный фактор, несмотря на наличие системы «объективного» права, которое, казалось бы, только и нужно применить к конкретному жизненному случаю, тем не менее, продолжает оставаться если не первым, то отнюдь не последним по значимости при квалификации преступлений. Не является открытием положение о том, что «.. успех в решении юридического дела обеспечивается во многом субъективным стремлением правоприменителя к истине» [3, с. 56]. Конкретный дознаватель, следователь, прокурор - именно эти субъекты уголовного процесса и призваны фактически осуществлять квалификацию деяний. Причем квалификация эта носит, как мы уже отмечали, протяженный, процессуальный характер, она отнюдь не похожа на одномоментное теоретическое решение задачи по уголовному праву с заранее известными составляющими. Процесс квалификации есть, в сущности, процесс собирания, проверки и оценки доказательств, причем оценки «по закону и своему внутреннему убеждению» (ч. 1 ст. 19 УПК) [6]. Уже само формально-юридическое признание законодателем внутреннего убеждения в качестве критерия оценки доказательств - конкретных оснований для уголовно-правовой квалификации - указывает на субъективную сложность осуществления последней. Ведь именно внутреннее убеждение, выражающееся, по сути, в общем оценивающем взгляде правоприменителя на факт деяния, и отражение этого взгляда (как правило) в материалах уголовного дела выступает источником для квалификации содеянного по той или иной норме закона: «...оценка доказательств по делу и процесс квалификации представляют собой единую мыслительную деятельность правоприменителя по своему внутреннему убеждению, руководством которой являются закон и совесть» [7, с. 123].

Каков может быть выход в разрешении вопроса о субъективном внутреннем убеждении каждого правоприменителя? По своей сущности вся система подготовки лиц с высшим юридическим образованием по соответствующей специализации должна быть направлена на некую научную унификацию этого свойства субъекта. Конечно, сделать из человека механизм, способный единообразно оценивать обстоятельства и их квалифицировать, невозможно и не нужно, однако повышать уровень подготовки, в частности в связи с познанием сущности уголовно-правовой квалификации (квалификации преступлений), с учетом описанных нами выше особенностей представляется необходимым. Здесь мы имеем в виду прежде всего максимальное сближение в учебном процессе преподаваемых курсов материального и процессуального права, причем это должно иметь место после должного усвоения обучаемыми положений каждой отрасли отдельно - материальной и процессуальной. Но даже не в этом сама цель. Можно прекрасно владеть теоретическими знаниями одной и второй отрасли права, но быть неспособным связывать их воедино в процессе расследования уголовных дел, квалификации преступлений. К моменту окончания обучения слушатель должен прежде всего иметь системное представление о взаимодействии права и процесса, верно понимать функциональное назначение в охранительном правовом регулировании каждой отрасли, представлять себе их значение при квалификации. Бели материально-правовой закон по существу обнаруживает себя лишь на стадии окончания процесса (при окончательной уголовно-правовой оценке деяния судом), хотя на стадии возбуждения уголовного дела и в процессе расследования он также предварительно реализуется (так называемая первоначальная и промежуточная квалификация), то в процессуально-правовых нормах и через них происходит наполнение процесса квалификации ее основаниями. Необходимо сказать о приоритете процессуального закона над материальным, поскольку именно процесс есть форма отражения, которая и является единственным основанием объяснения реального события. Например, если вас попросят квалифицировать то или иное деяние, вы спросите условия, обстоятельства его совершения и прочие подробности и дадите свой ответ, однако он может существенно измениться после того, как вы ознакомитесь с материалами уголовного дела. Приблизительно то же и здесь - как отражено и оформлено, так и разрешается, тот закон и применяется. Но ведь само отражение оснований в соответствующей процессуальной форме не есть данность, оно всегда осуществляется ни кем иным, как лицом, применяющим закон. И вот здесь главное - все в итоге замыкается на непосред-

венном правоприменителе, на его способности адекватного отражения материального содержания в процессуальной форме.

Эти вещи должны быть очевидны для начинающего специалиста, поскольку они обуславливают действительное усвоение им навыков его профессии. Вопрос же относительно того, как выработать способность этого самого максимально адекватного отражения содержания в форме, на наш взгляд, в некоторой части выходит за рамки юридического образования и касается прежде всего духовно-нравственных, а также социально-психологических особенностей лица, применяющего закон.

Среди проблем практического осуществления уголовно-правовой квалификации продолжает оставаться едва ли не самой насущной проблема ошибок, совершаемых органом уголовного преследования, судом при квалификации содеянного. Известно, что правильная квалификация с точки зрения выражения государственной воли позволяет говорить о точечном воздействии на того или иного преступника, причем не только превентивном и карательном воздействии, но и нравственном и социально-политическом осуждении лица либо, напротив, его оправдании [1, с. 22]. Пленум Верховного суда Республики Беларусь в своих правовых актах постоянно указывает на необходимость правильной оценки обстоятельств при квалификации деяний, разъясняет применение отдельных положений уголовного закона, формулирует общие принципы квалификации. Тем не менее, существует ряд негативных причин, не связанных непосредственно с незнанием теории квалификации, но в целом существенно влияющих на становление практики неправильной квалификации, приобретающей, к сожалению, обычный характер. Речь идет о так называемых обыкновениях правоприменительной деятельности, которые знакомы каждому, кто по роду своей профессии сталкивался с уголовно-правовой квалификацией. Здесь можно указать ряд причин, влияющих на становление практики неправильной квалификации. Остановимся на так называемых организационно-управленческих и тактических причинах.

Организационно-управленческие причины основаны в большинстве случаев на таких обстоятельствах, как неверное представление контролирующих, надзирающих должностных лиц о сущности уголовно-процессуального статуса следователя и его должного обеспечения (ст. 36 УПК), ядром которого является его фактическая процессуальная самостоятельность, в том числе в оценке деяния, его окончательной квалификации и полной юридической ответственности за это; на порой излишних ведомственных нормативных и ненормативных правовых актах, указаниях различных должностных лиц вышестоящих служб (служб зонально-линейного контроля и т. д.) с непосредственным вмешательством в процесс расследования вплоть до квалификации содеянного; нежелание опытных сотрудников, в том числе руководителей органов, в отдельных случаях менять сложившуюся практику по квалификации того или иного деяния под предлогом «обыкновенной нормальности» такого варианта окончания расследования и «успешности» рассмотрения уголовного дела судом (вынесения обвинительного приговора) и т. д.

Тактические причины в основе своей всегда имеют расчет на недопущение негативных, прежде всего дисциплинарных, последствий для органа уголовного преследования в результате рассмотрения дела конечной инстанцией, своего рода перестраховка с целью обезопасить себя в указанном смысле. Такой подход, к сожалению, в последнее время нередко преобладающий в системе органов уголовного преследования, представляет собой ни что иное, как подмену принципа законности утилитарной целесообразностью, подмену «законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела» (ст. 102 УПК) [6] удобным и безопасным его разрешением для органа уголовного преследования. Хорошо, когда первое и второе, законность и такого рода «целесообразность», совпадают, а если нет? К подобного рода случаям относится сложившаяся практика квалификации деяния по принципу «последующего исключения», то есть вменения обвиняемому максимального количества («с запасом») уголовно наказуемых деяний с учетом последующего исключения отдельных эпизодов обвинения в судебном заседании (это позволяет делать ч. 4, 5 ст. 301 УПК). Следует, конечно, сказать, что и сам государственный обвинитель, да и суд в процессе судебного разбирательства нечасто применяют указанную норму, что в конечном счете влечет существенное ухудшение правового положения обвиняемого, а затем и осужденного в результате такой квалификации «с запасом».

Теми же тактическими соображениями обосновывается порядок квалификации преступлений органами уголовного преследования, отражаемый в окончательном постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 240, 241 УПК). В отношении несложных единичных преступлений, как правило, трудностей не возникает, однако они появляются при необходимости правильно квалифицировать множественность преступлений - преступления по признаку повторности, совокупности, а также сложные единичные преступления и, что немаловажно, установить в каждом конкретном слу-

чае именно тот вид преступления, который имеет место в действительности. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду вопросы, которые были рассмотрены нами выше при анализе объективных проблем уголовно-правовой квалификации. Это и неоднозначность правил квалификации в рамках самой теории, обусловленной ее сложностью и многоаспектностью применения, и разворачивание ее в динамическом аспекте с постоянно изменяющимся фактическим содержанием в ходе расследования уголовного дела и ряд иных объективных факторов. Но помимо такого рода объективных причин в большей степени практика неправильной квалификации обуславливается все же субъективным фактором - незнанием теории и нежеланием правоприменителя квалифицировать правильно. Правильная квалификация возможна лишь при неплохом, вернее, отличном знании теории квалификации, но и этого недостаточно. Разнообразие фактических жизненных ситуаций, всегда опережающих формальные правила, следующие отсюда сложности самой теории, соединенные с организационно-управленческими и тактическими проблемами правоприменительной деятельности, создают благодатную почву для уклонения от должной квалификационной деятельности.

В заключение следует отметить, что выявленные проблемы должны учитываться на всех уровнях единого процесса совершенствования квалификационной деятельности. На концептуальном уровне необходимо представлять теорию квалификации во всей системе объективно присущих ей онтологических противоречий и использовать установленные пределы уголовно-правового познания при разработке и совершенствовании теоретических положений и законодательных конструкций. На практическом уровне совершенствовать процесс обучения квалификационной работе, а также реально обеспечивать должный правовой статус сотрудников органов уголовного преследования, в случае возникновения ошибок в квалификации тщательно изучать причины таковых с учетом всех выявленных положений.

Библиографические ссылки

1. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
2. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
3. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972.
4. Левицкий, Г.А. Квалификация преступлений: учеб. пособие / Г.А. Левицкий. М.: Акад. МВД СССР, 1981.
5. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: Текст Кодекса по состоянию на 1 авг. 2006 г. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006.
7. Шумихин, В.Г. Квалификация преступлений - интегральное правовое понятие / В.Г. Шумихин // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 3.